

подчинена же Хошунъ-хиту. Въ обыкновенное время здѣсь насчитывается около сорока-пятидесяти монаховъ, но въ большіе праздники это число удваивается. Нашъ приходъ сюда какъ разъ совпалъ съ отправленіемъ богослуженія, сопровождавшагося обычнымъ пѣніемъ и музыкой монастырскаго оркестра.

Въ послѣдніе дни октября погода испортилась: солнце закрывалось туманомъ или облаками, посыпавшими землю тонкими снѣжинками. Встрѣчный вѣтеръ неприятно пронизывалъ; къ довершенію физическихъ невзгодъ морозъ съ каждымъ днемъ усиливался. Между тѣмъ насталъ и ноябрь мѣсяць—мѣсяць, въ первыя три недѣли котораго намъ суждено было окончить свое караванное путешествіе и вступить въ Ургу.

Мы такъ привыкли къ передвиженію большими сорока-верстными переходами, что тридцати-верстный переходъ для насъ уже не „гобійскій переходъ“, а нежелательная полудневка. Поэтому, къ извѣстію проводниковъ о предстоящемъ съ кумирни Кирэ-юнцэтэ переходѣ въ сорокъ слишкомъ верствъ мы отнеслись очень одобрительно, хотя для этого перехода пришлось встать раньше обыкновеннаго и пуститься въ дорогу съ первымъ проблескомъ зари. Направленіе пути было опредѣлено буссолью наканунѣ, съ кровли монастырскихъ зданій, какъ вообще поступаютъ въ конечныхъ дневныхъ пунктахъ чтобы заполнить планшетъ возможно шире и не спѣша. Въ утреннемъ холодномъ воздухѣ—двадцать три съ половиною градуса мороза—висѣлъ туманъ, снѣгъ громко хрустѣлъ подъ ногами, когда мы, ввѣрившись опытности проводниковъ, пробирались на дорогу, темной змѣею извивавшейся по равнинѣ и тонувшей въ утреннихъ сумеркахъ. Вступивъ на этотъ торный путь, караванъ прибавилъ шагу. Тѣмъ временемъ звѣзды поблѣднѣли, востокъ зардѣлъ яркой золотисто-багровой зарей; среди полной тишины вокругъ, изрѣдка слышался лай собакъ, выдававшихъ присутствіе кочевниковъ. Еще позднѣе свѣтовой горизонтъ значительно расширился; тамъ и сямъ на снѣжномъ полѣ стали выдѣляться темные движущіеся островки табуновъ монгольскихъ лошадей, топотъ которыхъ доносился до нашего каравана. Наконецъ показалось и солнце, слабо свѣтившее сквозь густую пелену тумана, тогда какъ надъ головой открывался красивый голубой сводъ неба. По мѣрѣ поднятія дневного свѣтила на западномъ небосклонѣ стало создаваться своеобразное свѣтовое явленіе: здѣсь появилась млечная дуга, вначалѣ однообразно-блѣдная, затѣмъ, съ теченіемъ времени, принявшая нѣкоторое подобіе